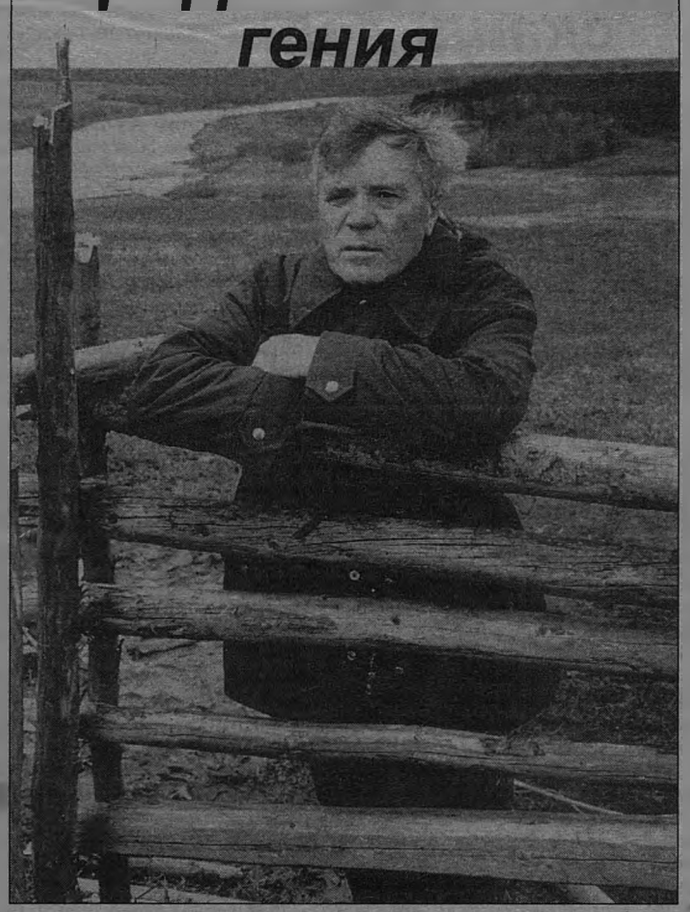
Арт-фонарь, прил. к „Аргументам и фактам" - 1996 - янв (№2) - с. 4

КАК ПОЖИВАЕТЕ? **ЧИТАЛКА** КАК ПОЖИВАЕТЕ?

Литература на асфальте родит своего гения



Я не буду рассказывать о всемирном литературном значении Астафьева. Скажу лишь, что встретились мы с ним в последний раз в метро, в электричке. Еду я на работу, опаздываю, вдруг кто-то за полу дергает. Оборачиваюсь, сидит мужик: для кочегара чересчур деревенский, а конюх - откуда взялся? Ну, думаю, наверное, пенсионер какой-то, сейчас тыщу попросит. Вдруг узнал: "Батюшки! Да ведь это Астафьев". Познакомились мы с ним в 79-м году на совещании молодых писателей, где я был участником, а Виктор Петрович руководителем семинара.

И еще одна деталь. Когда мы разговаривали, я посматривал на правую руку Виктора Петровича Астафьева. Вот, знаете, как у каратистов бывают набитые фаланги, так и у Астафьева на среднем пальце громадная мозоль от ручки.

Это многое говорит о нем и его работоспособности. Не палец, а прямо кистень какой-то! Ну а теперь я предлагаю вашему вниманию наш разговор с Виктором Петровичем Астафьевым.

- Как живете, Виктор Петрович? Давно вас не видел. Слышу по телевизору, в газетах читаю, где обычно вас в чем-то обвиняют...

- Ну, наверно, соринка в глазу. Работаю я. Работающий человек всегда мешает у нас почему-то. Вот неработающие ничего, привыкли. Ну как же, если большая челядь писателей не работает, а один работает. Ну что это такое? Надо его придавить. Но не писать я не могу, и помешать мне очень трудно.

- Многие сегодня за что-то борются...

- Не надо ни в какой борьбе участвовать. Это не дело писателя, участвовать в борьбе. Ну хотя бы в такой - на кулаках. Он должен бороться только пером, на бумаге. Пером утверждать себя и свои идеи, свою философию, жизненную концепцию - только там. А то, что происходит борьба, - этим занимаются литературные лимитчики, осадившие Москву, и окололитературная шпана. Но писатель, которому Бог дал такую награду в наказание, он не должен на это отвлекаться и спорить в коридорах, на митинги бегать и вообще делить на наших-ваших. Каждый писатель пишет для себя прежде всего, занимается самоутверждением. И уже поэтому не должен.

Что касается вашего поколения, ты не обижайся, оказался слаб духовный потенциал. Он и у нас не очень силен. Понимаешь, я в литературе знал людей, которые по таланту своему годны в Достоевские современные, но им никогда не стать Достоевскими, и они не стали, уже и не станут. Не станут даже Леонидами Андреевыми. Потому что пережили какую-то отраву в детстве, опустошение. Что Лермонтов, Пушкин знали и умели в 7-10 лет?! Пушкин в 7 лет рисовал гениальные рисунки, они есть в Пушкинском доме. Лермонтов в 17 лет начал писать одно из сложнейших произведений в мировой литературе - "Демон". У них был очень большой духовный заряд от знания мифологии и духовной литературы. Это не потому, что они молились рано, - просто родились гениальными...

Я все время думал, что вот-вот и мы выдадим гения. И почему-то думал, что как раз из поколения шестидесятников, семидесятников - произойдет такой гений. Но гения не случилось. Произошел великий писатель, но он не вашего поколения: Солженицын, он нашего поколения, старого. Происходит очень сложный перелом в жизни. Переход, исход, из деревни в город. Он произошел физически, но он должен произойти еще и нравственно, и духовно. Должна вырасти литература на асфальте, и она родит своего гения, того самого, когда асфальт пробивает цветок... Тот гений, который родится в хрущевских домах, он уже подспудно рождается. Это будет страшный гений. Все Гаршины - все померкнет по сравнению с ним.

- Может, какой-нибудь Лимонов... нет?

- Нет. Лимонов просто шарлатан. Я говорю о серьезных писателях. Вот был уехавший в Америку и там же умерший - это Сергей...

- Довлатов?

- Довлатов. Его продолжатель Михаил Кураев в Петербурге - прекрасный писатель, новой формации писатель. Это очень сильная литература, она каким-то отголоском идет от наших времен. В какой-то мере деревенская проза, хотя совершенно другая по стилю, по духу. Это вот то, что мы печатали в последнее время в "Новом мире", - "Зеркало мантачки" его роман. У него название очень странное, и это тоже симптоматично - и название странное, стилистика очень тяжелая, странная, проза концентрированная...

Нас водили на поводке, а этих уже нет. Они намного самостоятельнее.

- А нужна ли вообще в жизни страшная литература?

- Так ведь все-таки не сам по себе рождается художник-то. Он формируется общественным сознанием жизни и какими-то, я бы сказал, космическими вещами, запредельными. "О чем писать - на то не наша воля", - сказал Коля Рубцов.

- А как живете вы?

- В 70 лет даешь себе какой-то жизненный отчет и творческий: в общем, боролся за кусок хлеба. Никогда не брал взаймы чего-то и сейчас не беру. Я живу в крестьянском доме, в деревне. Мне десятки раз предлагали построить виллу, и двухэтажный особняк, и все, чтоб удобнее работать. Но я знаю, что если я построю, позволю себе особняк, то сразу прикрою десятки уворованных особняков. Не хочу я этого. Изба есть, есть стол, есть печка, дрова, хлеб еще есть, иногда с маслом, с сахаром, так сказать. А вот жена, допустим, чинит белье и носки до сих пор. Так она из рабочей семьи. Ей не привыкать. Да она и не выбросит носки. Она не приучена к этому.

Я говорю о простых вроде бы вещах и сложных в то же время. Это значит, у меня тоже и в душе и в мозгах происходят какие-то сложные процессы, не всегда мне понятные. Не значит, что если я гораздо старше тебя, больше написал, то я больше знаю и могу тебе подсказать, как тебе жить, как в стране жить, - нет, нет, нет. Самая роковая ошибка произошла со всеми нами - наш народ не послушал заповедей Христа: не убий, не укради, не пожелай жены ближнего своего. Трудись в поте лица своего и будешь счастлив своим трудом... Потом это оказалось в коммунистических лозунгах. Только оно испорчено было демагогией с добавлением, что партия тебя научит. Я сейчас не хожу на встречи с читателями, потому что все это глупо, и вопросы одни и те же, и чаще всего спрашивают, как жить. Я отвечаю: "Ну, почему же вы у меня спрашиваете? Иисус Христос учил, как жить. Чего ж вы его заповеди не выполняете?

- У меня на Алтае громадная родня. Так же, как и у вас. И я, когда думаю не вообще о народе, а просто о своей родне, то ведь я не могу сказать, что моя родня не выполняла эти заповеди. Она выполняла... Но как-то так получилось, что все равно люди оказались обделенными, несчастными и в каком-то тупике...

-Ты понимаешь, это очень горькая судьба народа, и самое главное, что его во всех этих грехах обвинять нельзя. Своими мучениями и слезами, и кровью, своей вот этой мучительной жизнью они искупили эти грехи.

- Вспоминаю ваш рассказ "Ловля пескарей в Грузии". Какой он там вызвал ажиотаж! И, кстати, вас обвинили в шовинизме...

- Четыре дня шла дискуссия по грузинскому телевидению, все газеты включились. А недавно встретился мне нынешний председатель Союза писателей Грузии. Он говорит: "Виктор Петрович, приезжайте в Грузию. Вы как раз своевременно предупреждали о теневых сторонах нашего народа". А я говорю: самое главное, что я не опустился до того, чтобы вступать в полемику.

- Может быть, эта ваша откровенность пугает? Она и сегодня навлекает огонь. И еще мне хотелось бы спросить: а вот письма по рукам ходили подметные, переписка Астафьева с Эйдельманом - это вы, наверное, встречали? Переписка действительно такая была?

- Не только по рукам. Это перепечатывалось во многих проеврейских журналах за границей. И в Америке, и в Прибалтике. Первый вопрос, когда появлялся за границей, который мне задавали в аудиториях любых: "Как вы относитесь к Эйдельману?". Я стал отвечать так, может быть, жестко, но коротко, что вопрос неуместный. Нас рассудил уже Бог.

Беседовал Владимир КАРПОВ